

12+

Андрей Утаник

Россия в 60–80-е годы

+ бонус ПЕРЕСТРОЙКА В СССР (1985–1991)

Андрей Утаник
Россия в 60–80-е годы

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Утаник А.

Россия в 60–80-е годы / А. Утаник — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Книга для изучения истории Россия в 60–80-е г.. Для учащихся 9-11 классов, абитуриентов, а также для преподавателей и методистов. Вы узнаете все о ситуации «без Сталина», о лидерах «оттепели», венгерском кризисе, все о противоречии экономического и социального развития, экономике СССР в 50-е и 60-е годы. Книга поможет более углубленно познать Россию в те далекие годы, поможет в написании рефератов, статей и подготовке к экзаменам.

Содержание

Ситуация «без Сталина» и изменение общественной атмосферы	5
Несостоявшийся триумvirат и лидеры «оттепели»	7
1953 год и новая аграрная политика	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ситуация «без Сталина» и изменение общественной атмосферы

«... Возле Мавзолея толпилось человек 200. Было холодно. Все думали, что выносить саркофаг с телом Сталина будут через главный вход. Никто не обратил внимания, что с левой стороны от Мавзолея стояли деревянные щиты, над которыми горели электролампочки.

Поздно вечером справа к Мавзолею подъехала крытая грузовая военная машина... Кто-то крикнул: «Выносят!» ... Из боковой двери Мавзолея солдаты вынесли стеклянный саркофаг и погрузили его в машину ... Вот тут-то мы и увидели, что за щитами солдаты роют могилу ... Ни кино, ни телерепортеров в то время возле Мавзолея не было».

Такими запомнились журналисту В. Стрелкову вторые похороны Сталина, совсем не похожие на те, что состоялись в пятьдесят третьем. Вождь умер, и 6 марта в «Правде» было опубликовано правительственное сообщение об этом событии.

«Я хотел задуматься: что теперь будет со всеми нами? – вспоминал свои ощущения того дня И. Эренбург. – Но думать я не мог. Я испытывал то, что тогда, наверное, переживали многие мои соотечественники: оцепенение».

А потом была Трубная площадь в Москве. «Дыхание десятков тысяч прижатых друг к другу людей, поднимавшееся над толпой белым облаком, было настолько плотным, что на нем отражались и покачивались тени голых мартовских деревьев. «Это было жуткое, фантастическое зрелище, – напишет потом Е. Евтушенко, оказавшийся в той многотысячной толпе на Трубной. – Люди, вливавшиеся сзади в этот поток, напирали и напирали. Толпа превратилась в страшный водоворот... Вдруг я почувствовал, что иду по мягкому. Это было человеческое тело. Я поджал ноги, и так меня несла толпа. Я долго боялся опустить ноги. Толпа все сжималась и сжималась. Меня спас только мой рост. Люди маленького роста задыхались и погибали. Мы были сдавлены с одной стороны стенками зданий, с другой стороны – поставленными в ряд военными грузовиками».

Люди шли к Колонному залу, где был установлен гроб с телом Сталина. «Я стоял с писателями в почетном карауле, – вспоминал И. Эренбург. – Сталин лежал набальзамированный, торжественный, без следов того, о чем говорили медики, а с цветами и звездами Люди проходили мимо, многие плакали, женщины поднимали детей, траурная музыка смешивалась с рыданиями. Плачущих я видел и на улицах. Порой раздавались крики: люди рвались к Колонному залу. Рассказывали о задавленных на Трубной площади. Привезли отряды милиции из Ленинграда. Не думаю, чтобы история знала такие похороны».

А дальше – главное: «Мне не было жалко бога, который скончался от инсульта в возрасте семидесяти трех лет, как будто он не бог, а обыкновенный смертный; но я испытывал страх: что теперь будет? ... Я боялся худшего».

Похожие ощущения испытывали в момент смерти Сталина многие. «Это было потрясающее событие, – вспоминал А.Д. Сахаров. – Все понимали, что что-то вскоре изменится, но никто не знал, в какую сторону. Опасались худшего (хотя что могло быть хуже ...). Но люди, среди них многие, не имеющие никаких иллюзий относительно Сталина и строя, боялись общего развала, междуусобицы, новой волны массовых репрессий, даже – гражданской войны».

Не надежды на перемены к лучшему, а опасения «как бы не было хуже» формировали главную психологическую установку тех дней. Она же определяла состояние общественной атмосферы и на более длительный период – пока люди выходили из психологического шока, вызванного смертью Вождя. В такой обстановке руководство страны оказалось даже в более выгодном положении, чем в ситуации обостренного желания перемен, обычно сопровождаю-

щей кризис власти. В данном случае кризис власти, казалось, был обусловлен естественной утратой, невозможность возмещения которой и неизвестные следствия какой бы то ни было замены рождали столь же естественное желание – оставить все как есть. Любые начинания послесталинского руководства, рассматриваемые под углом зрения «как бы не было хуже», должны были, казалось, в массовом сознании получать однозначно положительную оценку. Но тоже при одном условии: новые руководители обязаны были действовать как «наследники» Сталина, т. е. сохранять преемственность курса или хотя бы ее внешнюю форму. В реальной политике это приводило к увеличению заведомо тупиковых решений. Не случайно поэтому среди влиятельных лиц, вошедших в так называемое «коллективное руководство», не было ни одного (за исключением, пожалуй, В.М. Молотова), кто бы отстаивал сохранение прежнего курса в неизменном виде.

Однако понимания обреченности пути назад при определении нового политического курса было мало. Предстояло выбрать, хотя бы на уровне общих принципов, направление движения вперед. И здесь иного пути, кроме преодоления сталинского наследия, просто не было. Доверие народа, оплаченное принадлежностью к «наследникам» Сталина, и исчерпание политической эффективности «наследства» – это противоречие серьезно осложнило перспективные планы правящей группы и отношения внутри нее, которые и без того были непростыми.

Смерть Сталина уже сама по себе внесла серьезные коррективы в систему отношений между народом и властью. Вместе с Вождем исчезло главное звено, обеспечивающее общность этих разноуровневых подсистем, перестал функционировать главный механизм гармонизации их интересов. Эта гармония всегда была относительной (о чем свидетельствует обязательное наличие в палитре общественных настроений претензий и выпадов в адрес властей, прежде всего местных). Обратной стороной этой относительной гармонии было прогрессирующее отчуждение народа от власти: после смерти Сталина оно приобретает тенденцию перерастания в абсолютное (окончательно этот процесс завершился при Л.И. Брежнев). Самым простым выходом из положения было бы обретение нового Вождя, нового баланса. Однако возвращение к системе вождизма, в ее надчеловеческой просталинской форме, вряд ли представлялось возможным: сама смерть Сталина блокировала этот путь. Земной бог перестал существовать как простой смертный – именно это обстоятельство долго не укладывалось в сознании многих людей.

Восприятие Сталина как человека в массовом сознании изменило и отношение к его преемникам наверху, которые тоже становились «простыми людьми». Власть лишилась божественного ореола. Но не вполне: от высшей власти по-прежнему ждали «подарков» как от «бога», а ее действия уже рассматривали по законам простых смертных. Этой новой ситуации не оценили наверху, больше полагаясь на отпущенный кредит доверия, нежели задумываясь о том, чем этот кредит придется реально оплачивать. Трезвому анализу ситуации помешали и внутренние разногласия в правящей группе, в которой началась борьба за власть.

Несостоявшийся триумvirат и лидеры «оттепели»

Процесс преодоления кризиса власти, вызванного смертью Сталина, и выдвижение Хрущева в качестве единоличного лидера прошел в своем развитии четыре этапа:

- 1) период триумvirата – Берия, Маленков, Хрущев (март – июнь 1953 г.);
- 2) период формального лидерства Маленкова (июнь 1953 г. – январь 1955 г.);
- 3) период борьбы Хрущева за единоличную власть (февраль 1955 г. – июнь 1957 г.);
- 4) период единоличного лидерства Хрущева и формирования оппозиции «молодого» аппарата (июнь 1957 г. – октябрь 1964 г.).

Смерть Сталина открыла дорогу реформам, необходимость которых ощущалась обществом и частью руководителей сразу после окончания второй мировой войны, но которые вряд ли были возможны при жизни вождя. Экономическая и политическая ситуация внутри страны и обстановка «холодной войны» на международной арене формировали ряд узловых проблем (своего рода «болевых точек»), решать которые или реагировать на существование которых пришлось бы так или иначе любому руководству, вставшему у государственного руля в 1953 г.

Первый комплекс проблем был связан с развитием репрессивной политики конца 40-х – начала 50-х гг., превратившей органы МВД – МГБ в особую систему тотального контроля, охватившую практически все сферы общественной жизни и все слои общества – от низов до высшего эшелона руководства. Закон самосохранения требовал от правящего слоя внести в эту систему известные коррективы, чтобы отвести от себя угрозу очередных кадровых чисток. Следующий вопрос, решение которого тоже требовало реформирования органов МВД – МГБ, был вопрос о системе ГУЛАГа, сохранение которой в неизменном виде не только не отвечало задачам экономической целесообразности, но и создавало угрозу политической стабильности. Смерть Сталина привела ГУЛАГ в движение: докладные записки МВД информировали о «массовом неповиновении», «бунтах» и «восстаниях» в лагерях и колониях, из них наиболее значительных – летом 1953 г. в особом лагере № 2 (Норильск) и особом лагере № 6 (Воркута), в мае–июне 1954 г. – в особом лагере № 4 (Карагандинская область, «Кенгское восстание»).

Пересмотр репрессивной практики не мог ограничиться просто изменением режима в лагерях и колониях или частичными кадровыми перестановками в органах внутренних дел, в конечном счете, речь шла о возможностях либерализации политического режима в целом, хотя вопрос о пределах этих возможностей оставался открытым.

Не менее важный комплекс проблем, требующих неотложного решения, сложился в сфере аграрной политики. Два раза за послевоенный период, в 1948 и 1952 гг., повышался сельскохозяйственный налог, форсированными темпами шел процесс укрупнения колхозов, создавший немало проблем для жителей деревни, не обошла колхозников стороной и послевоенная волна репрессий. В результате к началу 50-х гг. бегство из деревни, несмотря на паспортный режим в городах, стало массовым явлением: только за четыре года – с 1949 по 1953 г. – количество трудоспособных колхозников в колхозах (без учета западных областей) уменьшилось на 3,3 млн человек. Положение в деревне было настолько катастрофическим, что подготовленный проект увеличения сельхозналога в 1952 г. до 40 млрд. рублей, абсурдный в основе своей, не был принят. Вместе с тем базовые принципы аграрной политики при жизни Сталина оставались неизменными, их придерживались и весьма последовательно воплощали в реальность даже те люди из окружения Сталина, которые после его смерти станут инициаторами совершенно иной линии в решении аграрного вопроса.

Серьезные проблемы для московского руководства создавало положение дел в западных областях Белоруссии и Украины, а также в Латвии, Литве и Эстонии. Политика советизации по-прежнему встречала здесь сопротивление, хотя и не такое активное, как в первые годы после

окончания войны. В течение 1952 г. в ЦК КПСС несколько раз обсуждались вопросы, связанные с ситуацией именно в этих регионах.

Наконец, большой круг вопросов, которые пришлось бы решать новому руководству, кто бы ни оказался во главе его, касался области внешней политики: диктат Москвы в отношении стран Восточной Европы и откровенная конфронтация с Западом не прибавляли авторитета советскому режиму.

Таким образом, направления возможных перемен в известном смысле были как бы заранее заданы. В данном случае интерес правящего слоя совпал с широким общественным интересом, поэтому осуществление реформ, помимо практического, обещало большой пропагандистский эффект, т.е. работало на авторитет новой власти как внутри страны, так и за ее пределами. Однако – и это особенно важно – задано было только направление движения, поисков. Главный вопрос – в каких формах и насколько последовательно будет проводиться новый политический курс, как будут определяться его конкретное содержание и темпы реализации, как и вопрос, состоится ли политика реформ вообще, – в своем решении зависел от расстановки сил в руководстве страны и от выбора лидера (или группы лидеров). При проведении реформ сверху личный фактор играет одну из ключевых ролей.

Затяжной характер кризиса власти 1953 г., длительная борьба за лидерство среди бывших сталинских соратников имели под собой достаточно очевидную причину: отсутствие официального (формального) лидера, обладающего реальной властью. Не случайно первое перераспределение ролей в «высшем эшелоне руководства (март 1953 г.) не решило вопроса о лидере. Реально власть тогда сосредоточилась в руках «тройки» – Берии, Маленкова и Хрущева, занявших три ключевых поста: Маленков стал Председателем Совета Министров СССР, Берия – министром внутренних дел (МВД было объединено с МГБ), Хрущев возглавил секретариат ЦК КПСС.

Маленков, Берия и Хрущев принадлежали к тому поколению советских руководителей, родословная которого начиналась от времен революции и гражданской войны. Почти все представители этого поколения были обязаны своим возвышением кадровым чисткам 20–30-х гг., они составили костяк «сталинской гвардии», элиту нового слоя партийной номенклатуры. Общность происхождения и профессионального продвижения формировала не только общий статус этого слоя, но и известную общность мышления и образа действий его представителей. Если большевики с дореволюционным партийным стажем начинали свою деятельность в условиях известного партийного плюрализма, то вступившие в большевистскую партию после революции принадлежали уже к партии правящей, причем правящей монопольно. Политические течения небольшевистской ориентации были ликвидированы, а впоследствии были уничтожены различные группировки и внутри партии большевиков. Для тех, кто остался в ее рядах после внутрипартийных дискуссий, принцип единовластия партии, враждебное отношение к какой бы то ни было оппозиции превратились в устойчивые стереотипы сознания.

Сформировавшиеся как политическая элита в условиях режима личной власти Сталина, представители этого поколения партийной номенклатуры усвоили именно сталинскую модель организации власти в качестве личного опыта, никакой другой они просто не знали. Личный опыт, как известно, во многом определяет и пределы возможного на перспективу: это важно иметь в виду при характеристике реформаторских возможностей данного слоя. От людей, не усвоивших демократии в качестве личного опыта, трудно было ожидать существенного продвижения в этом направлении. Груз прошлого – очевидность, с которой приходилось считаться, выбирая между общественным благом и личной ответственностью за вершившиеся в стране беззакония.

Георгий Максимилианович Маленков

По формальным признакам он более других подходил на роль преемника Сталина. Маленков делал доклад от имени ЦК на последнем съезде партии в 1952 г., в отсутствие Ста-

лина вел заседания Президиума ЦК и Совета Министров, после смерти Сталина наследовал его пост Председателя Совмина. Уже с конца 30-х гг. Маленков работал в непосредственной близости от Сталина, возглавлял сначала Управление кадров ЦК, затем секретариат. Для него, выходца из дворянской семьи, за плечами которого была классическая гимназия, – это была необычная карьера. От других соратников Сталина, по большей части «практиков», Маленкова отличал довольно высокий для этой среды образовательный уровень (он учился в МВТУ) и особый стиль общения с людьми, который не раз давал повод упрекать его в «мягкотелости» и «интеллигентности». Его называли хорошим организатором. Маленкова вообще вряд ли можно рассматривать как самодостаточного лидера. По складу характера он таковым не был; он мог играть роль первого, оставаясь по сути вторым. Так было в его отношениях с Берией и так могло сложиться (но не сложилось) в его отношениях с Хрущевым. И тем не менее именно Маленков стоит у истоков тех реформ, которые связаны с понятием «оттепель».

Никита Сергеевич Хрущев

По складу характера – полная противоположность Маленкову. Резкий, решительный, неосторожный в словах и поступках, он перешел все ступени партийной работы, возглавлял крупные парторганизации (Москва, Украина). Нигде и ничему серьезно не учившийся, Хрущев компенсировал недостаток образования удивительным политическим чутьем, почти всегда верно угадывая главную тенденцию времени. В отличие от Маленкова или Берии, Хрущев попадает в «ближний круг» Сталина только в 1949 г., когда его после 10-летнего перерыва вновь избирают главой московских коммунистов. При распределении ролей в марте 1953 г. Хрущева явно отодвинули на второй план и он вынужденно занял выжидательную позицию. Однако после активизации Берии, в которой Хрущев увидел угрозу своему положению, он начал действовать. Результатом этих усилий стало устранение Берии, после чего решение вопроса о единоличном лидере оставалось лишь делом времени.

Лаврентий Павлович Берия

Самая загадочная фигура среди «наследников» Сталина. Безусловно, одаренный от природы, умный и расчетливый, он долгое время был шефом советской разведки и контрразведки. Однако в историю Берия вошел все-таки не как «главный разведчик», а прежде всего как глава карательного ведомства, с именем которого связана репрессивная политика конца 30-х и начала 50-х гг. (хотя в 1946 г. Берия не возглавлял, а лишь курировал органы МВД – МГБ). После смерти Сталина для Берии пробил «звездный час».

В течение марта – июня 1953 г. он выступил с рядом предложений, главные из которых были направлены на реформирование системы МВД – МГБ. Предложения Берии включали следующие основные позиции:

- передать лагеря и колонии из МВД в ведение Министерства юстиции (кроме особых лагерей для политических заключенных);
- ограничить сферу применения принудительного труда в экономике и отказаться от нерентабельных «великих строек коммунизма»;
- пересмотреть сфабрикованные дела, отменить пытки при проведении следствия, провести широкую амнистию (последняя также не должна была касаться осужденных по политическим мотивам) и др.

В мае–июне Берия обратился в Президиум ЦК КПСС с тремя записками по национальному вопросу – «Вопросы Литовской ССР», «Вопросы Западных областей Украинской ССР» и «Вопросы Белорусской ССР». В этих записках Берия обосновывал необходимость пересмотра принципов национальной политики, которые заключались в отказе от насильственной русификации и выдвижении на руководящие посты национальных кадров. Берия в данном случае действовал в пределах своей компетенции, поскольку его предложения касались, прежде всего, смены руководящего состава органов внутренних дел и государственной безопасности. Впоследствии, уже после ареста Берии, именно его позиция по национальному вопросу станет

одним из главных пунктов среди предъявленных обвинений. Между тем во время обсуждения этих записок в ЦК Берия получил почти единодушную поддержку.

Попытки решить вопрос о выдвижении национальных кадров в республиках предпринимались и до 1953 г., однако существовавшая с 1936 г. практика, согласно которой любое назначение на номенклатурную должность предполагало обязательное утверждение через органы госбезопасности, делала эти попытки заведомо безуспешными: в западных областях Украины и Белоруссии или в Прибалтике трудно было найти человека с «чистой», с точки зрения чиновника НКГБ, анкетой, т.е. не находившегося на оккупированной территории, не имеющего родственников за границей и т.д. В феврале 1952 г. секретариат ЦК ВКП(б) специально обсуждал этот вопрос в связи с отчетом о работе Вильнюсского обкома ЦК КП(б) Литвы. Председательствовавший на том заседании Маленков говорил о необходимости менять политику в отношении национальных кадров и, прежде всего тот порядок, по которому получалось, что «бандиты у себя друг другу больше доверяют, нежели наши работники в МГБ».

Записки Берии соответствовали принятым еще в 1952 г. решениям, конкретизировав и расширив их. Выступление с инициативой по национальному вопросу, безусловно, сулило большие политические дивиденды. Поэтому стремившийся всегда действовать в духе времени и заботившийся о росте личной популярности и личного влияния, Хрущев тоже решил поддержать предложения Берии. В июне 1953 г. Хрущев, по примеру Берии, сам готовит записку в Президиум «О положении дел в Латвийской ССР» и проект постановления ЦК по этому вопросу. Текстуальное сравнение записок Берии по Украине, Белоруссии и Литве с запиской Хрущева по Латвии доказывает не только общность подходов обоих лидеров, но и то, что Хрущев при составлении своей записки непосредственно руководствовался материалами Берии, а возможно, и использовал их.

На Пленуме ЦК КПСС в июле 1953 г., посвященном «делу Берии», об инициативе Хрущева не только не упоминалось, но и сам Хрущев в своей речи на пленуме говорил о Берии как о единственном авторе всех записок по национальному вопросу, в том числе и по Латвии. Любопытен и такой факт: на пленуме с осуждением предложений Берии по этой позиции выступили первые секретари ЦК компартий Украины, Белоруссии и Литвы. От ЦК КП Латвии таких разоблачений не последовало.

Данный случай является весьма показательным для того времени, когда судьба инициатив, даже прогрессивных в своей основе, ставилась в зависимость от исхода борьбы за политическое лидерство. У новой линии в сфере национальной политики, конечно, были свои издержки (об этом, например, свидетельствовали жалобы на ущемление в правах, поступавшие от русскоязычного населения), но отвергнута она была вовсе не по этой причине, а потому, что была связана с именем Берии. Возможно, по этой же (личной) причине Хрущев впоследствии отказался от проведения «маленковской» аграрной политики. Последующий опыт как будто бы подтверждает это предположение: насколько Хрущев был равнодушен к «чужим» идеям, настолько же активно он стремился проводить в жизнь свои. Надо признать, что Хрущев весьма болезненно относился к проблеме первенства. Молотов, например, вспоминал, что после выступления Маленкова с аграрной программой в августе 1953 г. Хрущев был буквально возмущен: он, Хрущев, должен был об этом сказать первым.

Опасения Хрущева упустить первенство, думается, сыграли не последнюю роль в смещении Берии. Некоторые документы из секретариата Хрущева свидетельствуют о том, что он внимательно наблюдал за изменениями расстановки «сил и настроенно относился к усилению позиций других¹ членов «тройки» – Берии и Маленкова. Один из таких документов – полученная методом радиоперехвата и направленная Хрущеву для информации радиограмма одного из руководителей национального подполья на Украине (ОУН) В. Кука. Автор радиограммы следующим образом комментировал ситуацию в московском руководстве на июнь 1953 г.: «... Берия далеко еще не хозяин положения в Кремле. Он вынужден делить свою власть с Мален-

ковым и другими, и даже вынужден был уступить ему первенство ... В этих персональных сменах необходимо ожидать еще различных реверсий, они будут продолжаться еще долго, до тех пор, пока снова не появится один мудрый вождь, на весь СССР. Кто это будет? Я думаю, что не Маленков, а Лаврентий (Берия. – Е. 3.) – это потому, что в его руках конкретная и надежная сила, а это при всякой политике – самый сильный правовой аргумент».

Последняя фраза текста специально выделена – самим Хрущевым или для Хрущева, но именно в ней заключался главный смысл информации: был назван первый претендент на место «вождя». Это во-первых. И во-вторых, имя Хрущева среди первых лиц вообще не упоминается. Подобная оценка ситуации в московских верхах, видимо, вполне соответствовала действительности. Хрущев принял решение ее изменить. Он начал борьбу за власть, имея по сравнению с другими претендентами самые неблагоприятные формальные шансы, однако авторитет должности и изменение соотношения сил после ликвидации «тройки» позволили Хрущеву в конечном счете выйти из этой борьбы победителем.

Берия в качестве единоличного лидера не устраивал не только Хрущева, но и других бывших сталинских приближенных, подозрения в стремлении его к личной диктатуре решили судьбу этого политика. После ареста Берии (июнь 1953 г.) власть на короткое время переходит в руки Маленкова.

1953 год и новая аграрная политика

Политика Маленкова складывалась из трех составляющих: социальная переориентация экономики, изменение политики в отношении деревни, разрядка в международных делах. В марте 1953 г. Министерством финансов для Маленкова был подготовлен проект докладной записки о налоговой политике в деревне. На основе расчетов доходности крестьянских хозяйств в соотношении с ростом налогов за 1949–1953 гг. в записке был сделан вывод о возникновении «диспропорции в сторону экономической неоправданности увеличения налогового обложения крестьян». Этот вывод был поддержан и обоснован в докладе министра сельского хозяйства и заготовок А. Козлова, направленном Маленкову в июле 1953 г. Доклад можно считать первичным документом, который лег в основу речи Маленкова на сессии Верховного Совета СССР в августе 1953 г. и речи Хрущева на Пленуме ЦК КПСС через месяц после выступления Маленкова. Доклад Козлова представляет собой документ аналитического характера, где в обобщенном и систематизированном виде говорится о недостатках в аграрной политике и предлагаются конкретные меры по выводу сельского хозяйства из кризиса (хотя само понятие «кризис» не употребляется). О многих проблемах российской деревни в докладе было сказано впервые: например, о резком снижении за послевоенный период жизненного уровня колхозников, о массовом бегстве из села и т.д. В качестве главного вывода в докладе обосновывался тезис о необходимости делать ставки на материальный интерес крестьянина. Предложения Министерства сельского хозяйства и заготовок о снижении налогов, норм обязательных поставок сельскохозяйственной продукции и списании задолженности колхозников за прошлые годы впоследствии были оформлены как решения сессии Верховного Совета СССР.

По свидетельству помощника Маленкова Д.Н. Суханова первоначально Пленум ЦК КПСС по вопросам сельского хозяйства намечалось провести в августе 1953 г. С докладом на пленуме должен был выступить Маленков. Основные положения своего доклада он изложил на заседании Президиума ЦК в июле 1953 г. Как вспоминает присутствовавший на том заседании Суханов, позиция Маленкова по аграрному вопросу вызвала возражения большинства членов Президиума ЦК, пленум был перенесен на сентябрь и делать доклад на нем было поручено уже не Маленкову, а Хрущеву. Однако полностью перехватить инициативу в тот момент Хрущеву не удалось. В августе 1953 г. Маленков все-таки осуществляет свое первое большое публичное выступление, но не на пленуме ЦК КПСС, а на сессии Верховного Совета. Это выступление носило программный, а по ряду положений новаторски характер. Маленков говорил о необходимости смены приоритетов во внутренней политике, о повороте экономики лицом к человеку. Под этим углом зрения предлагалось пересмотреть соотношение темпов роста тяжелой индустрии и промышленности, работающей непосредственно на нужды населения, развернуть социальные программы, включающие развитие жилищного строительства, торговли, здравоохранения и т.д. Особое внимание в докладе Маленкова уделялось обоснованию нового курса в аграрной политике. На той же

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.